

Александр Эртель

Криворожье

Александр Эртель
Криворожье

«Public Domain»

1883

Эртель А. И.

Криворожье / А. И. Эртель — «Public Domain», 1883

«– А поедете-ка мы с вами в Криворожье, – сказал мне однажды сосед мой, Семен Андреич Гундриков, – есть там у меня мельник знакомый, человек, я вам скажу, скотоподобнейший! Так вот к мельнику к этому...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	10
-----------------------------------	----

Александр Иванович Эртель

Криворожье

– А поедмете-ка мы с вами в Криворожье, – сказал мне однажды сосед мой, Семен Андреич Гундриков, – есть там у меня мельник знакомый, человек, я вам скажу, скотоподобнейший! Так вот к мельнику к этому...

Я согласился, и мы отправились с господином Гундриковым в Криворожье.

Стояла засуха. Недели три как уже не было дождя. Солнце с убийственной жгучестью палило землю; на знойном небе целыми днями не показывалось ни одного облачка. В раскаленном воздухе пахло гарью. Хлеба выгорали. Налив ржи приостановился на половине, и в тощем, бледно-желтом колосе уже подсыхало сморщенное, изможденное зерно. Яровые стали. Овсы, не поднявшись еще и на пол-аршина от земли, уже поблекли и начинали желтеть. Просяные поля уныло отливали своими бледно-зелеными преждевременно выметавшимися кистями. Мурава на выгонах и отава на покосах высохла наподобие какой-то щетины и подернулась неприятной желтизною. Паровые поля, выбитые скотиной, уж не зарастали вновь травой: только колючий татарник да корявый бурьян кое-где разнообразили эти поля, высохшие, как камень, и пыльные, точно столбовая дорога.

Мы выехали не рано, и жара была страшная. Неподвижный воздух, проникнутый нестерпимой жгучестью, томительно стеснял дыхание. Горячее безоблачное небо тусклым и тяжелым сводом распростиралось над землею. Вдали хмурыми синеватыми тучами стоял зной, и заманчивой полосой струилось марево. Дальние поселки и кусты, охваченные этим маревом, казались островами, плавающими в волнистом, чудно-изменчивом море. Выжженные солнцем нивы печально стлались по равнинам, широко разбегавшимся вокруг нас. Невесело было глядеть на эти нивы... Редкая, порывевшая рожь не поникала к земле тощим своим колосом, как поникает она в пору урожая, а как-то вяло и беспомощно устремлялась кверху и, при малейшем дуновении ветерка, металась во все стороны, путалась и ломалась. Яровые изобиловали бурьяном и пылью.

Стада, кое-где попадавшиеся нам навстречу, еще более усиливали тоскливую неприглядность полей. Коровы с осунувшимися боками и ребрами, выпиравшими из-под кожи наподобие обручей, уныло и беспорядочно бродили, тщетно разыскивая корм и печально оглашая воздух жалобнейшим ревом. Овцы с каким-то тупым и бессмысленным равнодушием сбивались в тесные кучи, изо всех своих сил напирая друг на друга и наполняя тишину тяжелым сопением. Редко около стад виднелся пастух. Казалось, и пасти-то голодающий скот находили излишним.

Впрочем, раз мы заметили и пастуха. Он лежал возле межи, в значительном отдалении от своего тоскующего стада, и безучастно оглядывал окрестность. Когда экипаж наш поравнялся с ним и треск колес достиг до его слуха, он лениво повернул голову, обвел нас каким-то как бы ословелым взглядом и снова устремил этот взгляд в скучное пространство. Он был сед и худобою уподоблялся скелету.

Серая пыль толстым слоем лежала по дороге. За экипажем нашим пыль эта вилась целой тучей и, вероятно, издали мы представляли некоторое подобие вихря. Иногда пыль вздымалась к небу и настоящими вихрями, неведь откуда налетавшими на сонное поле. Тогда высокие серые столбы быстро крутились и ходили по дорогам. Это придавало печальным равнинам особый характер какой-то пустынной и мрачной величавости. Под суровым веянием такой величавости человек умалывается. Сила стихий кажется ему роком. Самонадеянность покидает его.

Тяжело было. Язык сохнул; пот обливал тело; ноги и руки отказывались служить. Иногда неподвижный воздух колебался и тихий ветер волновал зной. Тогда, казалось, по лицу пробежала огненная струя и вас обнимала адская температура.

Встречались нам деревни. Обыкновенно, несмотря на время, свободное от полевых работ, они поражали пустынностью. Въезжая в них, казалось, въезжаешь на кладбище. Мертвая тишина, стоявшая на улицах, особенно способствовала этому уподоблению. Все живое как бы приникло где-то. Правда, иногда на завалине сидела какая-нибудь воплощенная дряхлость, а около изб копошились ребятишки. Воплощенная дряхлость встречала и провожала нас мутным взором, в котором только и выражалось, что тупое и какое-то неопределенное равнодушие. Ребятишки почти не интересовались нами и, вопреки всякого обыкновения, не травили нас собаками. Даже собаки, и те бродили по улицам с какою-то покорною унылостью и если брехали, то брехали как бы по привычке, нехотя и рассеянно.

Кабаки были пусты. У одного – мы видели толстопузого кабатчика, отиравшего пот с красного лица своего красным ситцевым платком и со скорбью озиравшего приникшую деревню; у другого – худенькая и костлявая целовальничиха сушила на солнце рожь, то и дело подбегая к околице и с каким-то беспокойством оглядывая пустынную улицу. Она, вероятно, боялась воров. Только у дверей третьего кабака увидели мы потребителя. Опираясь руками о притолку двери и широко расставив ноги, он обратил к полю лицо, по которому, мешаясь с пылью, ползли слезы, и пьяным, нескладным голосом орал песню, перемежая ее то руганью, то упреками кому-то. Среди гнетущей тишины, царящей окрест, песня эта казалась чем-то странно-диким и наводила на душу невыразимое уныние.

И жара, и поля, сожженные солнцем, и невеселые встречи, – все это ужасно утомляло. Я не раз раскаивался в поездке. Семен Андреич тоже сидел возле меня если не грустный, то мрачно сосредоточенный и вообще недовольный.

Но вы еще не знаете Семена Андреича. Пока мы жаримся на палящем июньском солнце, пока вздыхаем и молчим и с тоскою озираем скучные равнины, бесконечной пеленою бегущие нам навстречу, я познакомлю вас с ним. Он не молод, имеет лицо, подобное груше, и подбородок, подпираемый несколькими этажами слоистого жира. Он широк в кости, приземист и смотрит ясно. Эта ясность порою конфузит. Неприятно ощущать в человеке отсутствие недоразумений. В Гундрикове недоразумений не было. Это была замечательная голова. Он давно еще, в незапамятные времена своей юности, подвел итоги, вывел баланс, устранил всевозможные «иксы» и теперь поживает себе, ничем не смущаем.

Он коллежский асессор и любит, чтобы на адресах величали его «вашим высокородием».

В практической своей жизни он подчиняется судьбе. Это успокаивает. Обыкновенно он не силится *уразуметь* факты, он их только констатирует. Околевают ли у него овцы, дохнут ли дорогие заводские лошади, пропадает ли пшеница, он на все на это наклеивает подлежащие ярлычки и сдает в архив. На практике ум его не ведает обобщений. Каждый факт, имеющий место в практической, обыденной жизни, представляется ему фактом уединенным и беспричинным.

Он любит нюхать табак и нюхает очень хороший. Когда нюхает, то не чихает, а как-то особенно внушительно поводит носом. Впрочем, он и вообще внушителен. Движения его медлительны и плавны. Это, однако ж, не исключает способности его горячиться. В противность плавным и медлительным движениям, говорит он и не плавно и не медлительно. Мера гороху, просыпанная на лист железа, дает некоторое уподобление его речи.

Он – управляющий гг. Дурманиных. Гг. Дурманины живут за границей. Они довольны Гундриковым. Гундриков не ворует (то есть не ворует нагло). Гундриков хотя упорно отрицает интенсивное хозяйство, зато, не гоняясь за журавлями в небе, крепко держит в руках синицу. Дурманинские мужики по его милости на малом наделе. Кроме того, их окружают господские земли. Видали ли вы мышонка в когтях у кошки? Гундриков справедливо полагает, что при таких условиях интенсивное хозяйство излишне. Оно требует затрат и лучших климатических условий. Вместо этого баснословно дешевым трудом он возделывает трехполку.

Как и подобает коллежскому асессору – он горд. За вечным отсутствием гг. Дурманиных спина его закаменела. Поклоны его были величественными поклонами. Пожатие своей руки, в простоте, душевной, он считал милостью. Другой мой сосед, Чухвостиков, величал его Навуходоносором¹. Чудак!

Впрочем, Семен Андреич справедлив. С его стола не сходят судебные уставы 1864 года (в роскошном переплете и с надписью золотом: *Правда и милость да царствуют в судах*). Все, что он делает, делает он не иначе, как на основании надлежащих статей. Он любит точность. Он не берет лишнего, но берет по закону. Если в условии с мужиком помещена неустойка в пятьдесят рублей, он довольствуется пятидесятью. «Я люблю правду», – говорит он в таких случаях. Это мирит его с тем, что он имеет привычку называть своею совестью.

Семен Андреич считает себя хорошим человеком. Он даже добр. Сынишка его в классической гимназии, а у дочурки имеется французенка с легитимистским направлением. Он вдовый и нанимает экономку.

И однако как теоретик он – фантазер. В противность его обыденным понятиям, факты в *теории* обобщаются у него с поразительным легкомыслием. Вот почему проекты, один другого нелепей и один другого затейливей, кружат его голову, чуть только он отрешится от действительности. Проекты преимущественно касаются политики. В свободные минуты любимым занятием Семена Андреича бывает раскрашивание географических карт. Пером на белой бумаге он обводит силуэт Европы и Азии и затем произвольно проводит границы государств. Россию он окрашивает в желтое (цвет рублевой бумажки). Желтая краска простирается на картах Семена Андреича от Пекина до Константинополя. Семен Андреич патриот и не жалеет желтой краски. Но он скупится на синюю. Синяя означает немцев. Немцев он не любит. Немцам было тесно на его картах. Стиснутые между долиной Шпрее и Рейном, бедняги задыхались. Густая желтизна заполняла их придунайские, галицкие и познанские уголья. Эта желтизна доходила вплоть до Берлина. «Все это наше исконное», – говорит Гундриков и ссылается на победы императрицы Елизаветы².

К французам он благоволит. Им он отдает все – от Альп и до моря, от Рейна до Пиренеев. «Пуцай их!» – благодушествует он, а когда доброту его устрашают коммуной, то грозно хмурится и тычет указательным перстом на синюю неметчину. В неметчине он олицетворяет будочника.

Турок почти вовсе отсутствует на картах Семена Андреича. Только после тщательных наблюдений вы могли бы заметить зеленый треугольник, изображающий Турцию. Треугольник этот величиною не превосходит блоху и ютится где-то в глубине каменной Аравии, позади ярко желтеющей Палестины.

И, между тем, фантастичность политических помыслов Семена Андреича не исключала ясности. Принципиальная сторона раскрашивания не затемнялась недоразумениями. Как правда и совесть воплощались для Гундрикова в такой-то статье «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», так равно и фантазия его имела строго и, главное, однообразно установленные пределы. «Все нам: нам моря и реки, нам Прагу и Константинополь», – вот что составляло практическую подкладку Семен-Андреичевой фантазии и служило ей пределами. Повторяю, и здесь для него не существовало недоразумений. Вопрос казался ему ясным, наподобие годового конторского отчета.

¹ *Навуходоносор II* – вавилонский царь (604–562/561 до н. э.). В 586 году до н. э. взял Иерусалим, разрушил его. Воздвиг в Вавилоне ряд дворцов и храмов и «висячие сады» (так называемые «Сады Семирамиды»), причисленные античной традицией к «семи чудесам света».

² «...победы императрицы Елизаветы». – Имеются в виду победы русской армии над войсками прусского короля Фридриха II в Семилетней войне (1756–1763).

Надо отдать ему справедливость, он имел чутье. Он был немножко славянофилом. Он один из первых оценил «Новое время»³. Я помню его радость по этому поводу.

...Но возвращусь к рассказу.

Итак, я молчал, а Семен Андреич сидел возле меня мрачно сосредоточенный и недовольный. Уж на половине дороги, когда мимо нас бежало просяное поле, страшно скудное и страшно поросшее сорными травами, спутник мой встрепенулся и нарушил молчание:

– Да. Так я вот и говорю... (он до сих пор ничего не говорил) все так-то у нас!.. Австрия ежели претерпевает, мы ее выручаем, Францию тоже выручаем, а вот страдает свой брат, мы и ухом не ведем...

– Это вы насчет чего же? – спросил я, несколько удивленный темой разговора.

– А насчет славян все... Вы не поверите: сердце болит!.. Помилуйте-с, страдают, гибнут, дерутся, а мы... Мы молчим!.. Скорбит, Николай Василич, скорбит душа моя...

– Что же нам, по-вашему, делать?

– Нам-с? Хе-хе... Дела наши простые-с... Дела наши очень даже незамысловатые должны быть-с. Смотрите сюда, я вам сейчас это объясню. Вот Дунай, смотрите! – Семен Андреич выставил свое жирное колено и многозначительно похлопал по нему рукою. – Это будет Дунай. Теперь ваше колено пускай означает Константинополь. Вот Австрия. Вот Азия. – Гундриков указал на козлы, где восседал кучер Григорий, и на край тарантасного кузова. – Отлично-с. Теперь представьте себе армию в восемьсот тысяч человек. Представили? Очень хорошо. Делим эту армию надвое: пятьсот тысяч отдаем Черняеву, триста – Комарову. Не забывают, что это Дунай, подтвердил Гундриков, хлопнув по колену. – Теперь соберите вы все восемьсот тысяч в один стан...

– Где же?

– Ну, где-нибудь, ну, положим, в земле Войска Донского; это будет земля Войска Донского, – он указал на конец своего прекрасно вычищенного сапога. – Я, разумеется, за идею. Масса, так сказать, должна быть вдохновлена. Итак, я всепокорнейше обращаюсь к Иван Сергеичу и к Алексей Сергеичу. Действуйте, Иван Сергеич и Алексей Сергеич! – говорю я... И тот и другой набирают массу славянофилов и прибывают в стан. Там уж повсюду, знаете ли, хоругви, эстрады («вышки» – в скобках перевел Семен Андреич), колокола, крики «ура» и «живио». Прекрасно. Начинаются речи. Идея проникает солдатские организмы. Представьте себе, армия движется одним чувством идти и умереть. Пользуюсь моментом. Эй, цвей, дрей, налево кругом, ма-арш!.. Не забывают, что это Дунай, – еще раз напомнил мне Гундриков, указывая на колено. – Армия идет, Комаров идет, Черняев идет, Иван Сергеич и Алексей Сергеич говорят речи, музыка гремит «Славься сим Екатерина» (непреренно «Славься сим», – действительно повторил он), – хоругви развеваются по ветру, солдаты ликуют... Дунай! Черняев перешагнул, Комаров в резерве. Турки бегут. Австрия разбита (о, эта Австрия большая каналья). Славяне освобождены. Акт присоединения торжественно совершается в святой Софии. Иван Сергеич – наместник Болгарии, Алексей Сергеич – сатрап Македонский... Помилуйте-с, превозвышенные дела!

Пекло так сильно, что мне и возражать не хотелось. Я промолчал. А между тем Гундриков горячился. Он засел на любимого конька и теперь летел на нем, не смущаемый жаром.

– Помилуйте-с, что же это такое! – восклицал он. – Двадцать лет, целых двадцать лет мы сидим дома... Ведь у нас совсем и слава извелась... Да, положительно перевелась слава.

³ «Новое время» – газета, выходившая в Петербурге с 1868 по 1917 год, крайне реакционный орган, пропагандировавший великодержавный шовинизм и антисемитизм. Ленин писал: «Новое Время» Суворина – образец бойкой торговли «на вынос и распивочно». Здесь торгуют всем, начиная от политических убеждений и кончая порнографическими объявлениями» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 251). // Эртель разделял ненависть революционно-демократического лагеря к «Новому времени». В одном из неопубликованных писем к М. В. Огарковой он так характеризует эту газету: «Новое время. Совершенно подлая газета... Щедрин описал ее под видом „Помои“».

Что мы, в самом деле, или уж взаправду мужицкое царство? Нет, не мужицкое мы царство, а царство военное-с, и на этой точке стоять должны твердо...

– Что же по-вашему – воевать?

– Воевать! – воскликнул Семен Андреич. – Всенепременно воевать!.. С нашим народом да не воевать? Помилуйте-с... С нашим народом и дел других подходящих нету, кроме как воевать... Представьте себе, что такое наш народ? Да железо, кремь, устой гранитный!.. Вспомните, что Наполеон о солдате-то нашем сказал? а!.. А вы толкуете...

И, помолчав, продолжал даже с некоторой сладостью:

– Нет, Николай Василич, наш народ знать надо-с!.. Ох, до тонкости нужно знать наш народ!.. Суворовы, Филареты⁴, Погодины⁵, – это, батенька, не шутка. Наполеон говаривал, что-де поскребите русского, татарин будет. Нет, брат, поскреби-ка его, попытайся – ан и увидишь, герой в нем сидит... В каждом русском, в каждом мужике сиволапом герой сидит!..

В это-то время мы поравнялись с тем кабаком, у дверей которого пьяный мужик орал песню.

– Вот вы глядите на него, – указал мне Гундриков, – пьян до того, каналья, на ногах чуть держится, а дайте-ка вы ему штык в руки да закричите «ура»? – он вам не токмо турка, черта протурит в Азию... Ведь чем он дорог, русский человек? Простотой своей, батенька, дорог. Теперь возьмите вы солдатскую точку зрения. Представьте вы солдата-немца. Хорош солдат-немец, да привередлив больно. И елку ему, шельме, устрой, и сапоги с подметками предоставь, и колбасой его, ракалиона, начини... Совсем неподходящий человек!.. Ну, и представьте себе – француз. Француз тоже прихотливый человек. А ведь нашему-то чем меньше жратвы давать, тем он ядовитей становится!.. Соли у него нет – порохом солит, мяса нет – конину кушает. Сухарь ежели с песком у него – он храбр, а ежели окончательно гнилой – он еще храбрее. Вот ведь чем дорог-то он, русский человек, – логикой-то своей он дорог! Совсем необыкновенная у него логика. Так с таким человеком да не воевать – помилуйте-с!.. Я и говорю: воюй, покуда не изнежился он, покуда сапог да колбасы не запросил... и это пуще всего!..

⁴ *Филарет* (1782–1867) – митрополит московский, ярый реакционер, автор катехизиса и ряда статей, проповедей, поучений. Славился красноречием, составившим ему громкую известность в реакционных кругах.

⁵ *Погодин* Михаил Петрович (1800–1875) – русский историк, публицист, писатель, являлся защитником реакционной теории «официальной народности».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.